

*«Тюрьма есть ремесло ока-
янное, и для скорбного дела сего
зело потребны люди твёрдые,
добрые и весёлые».*

Пётр I

*«Радуюсь, свирепствуя и му-
чать, хорошо живётся на Руси!»*

Сергей Есенин

1

В начале восьмидесятых го-
дов число заключённых на Мел-
горе достигало полутора тысяч.
Колония относилась к усилен-
ному виду режима, где содер-
жались осуждённые впервые за
тяжкие преступления.

Жилая зона, в которой обита-
ли заключённые, притулилась на
склоне высившейся среди окрест-
ных степных просторов горы.

Выбеленные двухэтажные
домики общежитий, будто гриб-
ки, торчали из-за кирпичного,
белённого всё тем же мелом,
опутанного колючей проволокой
и «егозой» забора.

Гора действительно сплошь состоит из мела и тянется километра на полтора, но один бок её уже выгрыз карьер. Место-рождение, как уверяют знатоки, по качеству минерала отличное. Мел использовали не только для изготовления стройматериалов — белил, извести, но и добавляли в комбикорма, лекарства. Ковыряют его здесь с незапамятных времён, но конца и края полезному ископаемому пока не видно.

Ниже колонии, у подножья горы обосновался безымянный посёлок. Тут поселился обслуживающий зону люд: колонийские и конвойные офицеры с семьями, вольнонаёмные сотрудники, освободившиеся зеки, «химики» и прочий повязанный неволей народ. Двухэтажные щитовые дома с облупившейся штукатуркой на стенах составляют единственную улицу.

Посёлок довольно густо для степного безлесья усажен деревьями. Кое-где даже тянется высоко к чистым, особенно высоким здесь небесам голубая ель. Рассказывают, что много лет назад в зоне тянул срок какой-то лесовод. Он-то и сумел озеленить выжженную летом и промороженную зимой почву.

От зоны посёлок отделяет овраг, через который переброшен деревянный, довольно шаткий дощатый мосток. Пологие склоны оврага вечно завалены мусором, навозом. Почти все «вольные» жители держат скотину. Нижние ветки деревьев обглоданы

козами, которые бродят по посёлку, забираются в подъезды домов и грохочут копытцами по ступенькам, рассыпая у порогов квартир «горошек». По улицам бродят куры, утки, гуси. Вся эта живность летает, гогочет, сея в округе пух и перья.

Главная и единственная улица посёлка заасфальтирована и даже освещена горящими через один «городскими» фонарями. Летними вечерами здесь до утра прогуливается молодёжь, шныряют солдаты конвойного батальона, неторопливо проплывают местные красавицы в домашних халатах и шлёпанцах.

Народ в посёлке как на подбор сложный. Наверное, многолетняя привычка командовать солдатами и помыкать зеками наложила отпечаток на здешних обитателей. И выработанная на службе манера поведения распространилась на окружающих. Например, поначалу нас с женой не столько обижало, сколько удивляло то, что местный житель, вызвавший ночью кого-то из нас, врачей, к заболевшему ребёнку, мог на следующую же ночь пройти мимо, не поздоровавшись. Притом что мы, тюремные медики, гражданское население лечить были вовсе не обязаны. Для этого в посёлке работал медпункт с фельдшером из «вольняшек». Но таковой, увы, была своеобразная «ментальность» жителей Мелгоры.

Всё жизнеобеспечение посёлка шло от колонии. «Зона» давала свет, воду, тепло в дома,

кормила жителей, возила детей в школу, чистила зимой дороги, чтобы снежные бураны не отрезали напрочь от остального мира.

Обслуживали жилищно-коммунальное хозяйство Мелгоры в основном зеки-бесконвойники, так что обычных для «вольных» городов и посёлков проблем с пьяными сантехниками, вымогающими у жильцов деньги или магарыч, здесь не было. Хотя зека, сделавшего какой-то мелкий ремонт в квартире сотрудника, вроде починки электророзетки либо замены водопроводного крана, всё-таки полагалось чем-нибудь угостить — пачкой чая, сигарет, или просто налить тарелку наваристых домашних щей.

Из общественных заведений в посёлке функционировали баня, две гостиницы (покомфортнее — для прикомандированного персонала, попроще — для приезжающих на свидание родственников заключённых), сельповский и военторговский магазины с крайне скудным по тем временам ассортиментом, начальная школа и детский сад.

Несколько особняком на окраине стояла казарма, где размещался конвойный батальон внутренних войск.

К сожалению, мне так и не удалось узнать достоверную историю Мелгоры. Дело в том, что пенитенциарные заведения СССР считались секретными объектами. Слово «колония», а тем более, вид режима содержания, количество заключённых

упоминались только в документах «для служебного пользования». Официально зона именовалась «учреждением» с добавлением шифра. Например, Мелгора значилась как «Учреждение Ю/К-25/9». Содержащиеся в ней зеки стыдливо именовались «спецконтингентом», количество их тоже относилось к секретным сведениям.

До революции в окрестностях Мелгоры кочевали казахи, которых называли тогда киргизами. Они добывали мел и на телегах, запряжённых верблюдами, возили продавать в Оренбург. Моя бабушка ещё помнила, как они ездили по улицам города, крича призывно в поисках потенциального покупателя: «Белый глин, белый глин!»

Когда после стольпинского переселения крестьян из бедных областей Молдавии, Украины, русских и немцев из центральных губерний те основали вокруг Мелгоры деревни и сёла, казахи ушли. Старожилы поговаривали, что перед уходом обиженные казахи мстительно забили родники у подножья меловой горы свёрнутыми в трубу кошмами, и с тех пор здешние места стали довольно безводными. Тем не менее в те годы земля не была ещё так истощена, вытоптана овцами, и урожаи пшеницы случались отменные. Занимались огородничеством, выращивали арбузы, дыни.

Однако в 80-х годах XX века сельское хозяйство района уже

влачило жалкое существование. Редкие и низкорослые, будто поросычья щетинка, хлебные колосья на здешних нивах безжалостно прижаривал суховей, а в глинистую, каменной плотности землю при поливе уходило, как в прорву, без заметной пользы для овощей, огромное количество воды, которой катастрофически не хватало.

Но всё же был, был в истории Мелгоры свой, поистине звёздный час!

В середине тридцатых годов случилось так, что именно отсюда, с единственной точки на земном шаре, можно было наблюдать полное солнечное затмение.

На Мелгору прибыла экспедиция, в которую входили знаменитые учёные всего мира...

Впрочем, на горе это событие никак не отразилось. После недолгого затмения светило вновь засияло. Всё так же свистел ветер, гнал по степному бездорожью серые, похожие на бегущую волчью стаю кустики перекасти-поля, а высокие белесоватые от солнца небеса взирали равнодушно на изрезанную красными ранами оврагов степь...

Первых зеков сюда привезли сразу после Великой Отечественной войны. Были это осуждённые к двадцати пяти годам лишения свободы пожилые равнодушные мужики, уныло досиживающие срок. Опасности для окружающих они, видимо, не представляли. Охранял их, как вспоминали старожилы, единственный

прихрамывающий после ранения старшина-конвоир. Зеки работали на карьере, добывали мел кайлом и ломami, а старшина, повесив на вбитый в стену гвоздик свой ППШ, пил чай в деревянной будке неподалёку.

Недолго поковыряв мел, зеки попали под большую амнистию и частью разъехались, частью осели в близлежащих селениях, пригретые послевоенными вдовами.

Колония и посёлок в нынешнем виде появились в конце пятидесятых годов.

Помимо добычи мела, осуждённые изготавливали кирпич, для чего построили завод, обнесённый, как и зона, высоким забором с вышками для часовых и рядами колючей проволоки. Правда, завод, приближённый к глиняному карьеру, оказался в двенадцати километрах от жилой зоны, и на работу заключённых возили в крытых фурах, в металлических будках с деревянными скамьями, переделанных из скотовозов. Там же, у заднего борга грузовика, отделённые от запертых зеков решёткой, размещались солдаты конвоя.

Водителям таких фур платили мало, и потому управляли машинами бывшие зеки — «химики». Шофёры они, как известно, аховые. Несколько раз на моей памяти фуры переворачивались на трассе, но всё обходилось. Ошарашенные конвоиры снимали с решёток висячие замки, выпускали помятых зеков и вели

пешком, проклиная севшего за руль с похмелья «химика».

На заводе заключённые формировали кирпич, там же дробили мел, обжигали известь, фасовали в бумажные мешки и грузили в вагоны. Кроме того, плели металлическую сетку, а в столярном цехе делали оконные рамы, двери и прочие необходимые посылку вещи.

Качество подневольного труда было низкое. Рассказывали, что во время одного из заседаний райкома партии, на которые, как коммуниста, приглашали и начальника колонии, первый секретарь райкома прилюдно посоветовал ему обменяться технологиями с директором местного хлебозавода.

— Кирпич в руках рассыпается, а пряники прямо каменные, не угрызёшь... — съехидничал партийный вожак.

И всё-таки главным в продукции зоновского производства оставался мел. Когда-то его добывали вручную. На карьере вольнонаёмные мастера выдавали зекам кирки, ломы, носилки, отмечали участок работы «отсюда и до обеда», после чего заключённые выламывали из склона горы меловые глыбы — «ком», грузили на автомашины и отправляли в дробилку.

Но в последние годы производство механизировали, и на карьере трудилось только несколько бесконвойников: экскаваторщики, бульдозеристы, водители самосвалов. Время от

времени приезжали взрывники, закладывали в шурфы динамит. Мелгора, а вместе с ней и жилая зона, и колони́йский посёлок подпрыгивали от взрыва, дребезжа стёклами окон, а над карьером поднималось белое облако меловой пыли.

2

Из всех оренбургских колоний в те годы Мелгора считалась каторжной зоной. Работа на кирпичном заводе была тяжёлой. Рабочий день вместе с просчётами заключённых, их погрузкой в фуры, дорогой, при вечной нерасторопности конвоя длился около двенадцати часов. Первая смена выезжала на объект в половине восьмого утра, возвращалась иной раз в девять — десять вечера. И всё это время зимой — на морозе, под пронизывающим до костей при худой одежке ветром, летом — под палящим зноем.

Несмотря на явное нарушение исправительно-трудового законодательства, устанавливавшего для осуждённых восьмичасовой рабочий день при шестидневной трудовой неделе, зеки почти не роптали. Видимо, потому, что работа позволяла убить время, создавала иллюзию свободы, а все эти переезды, просчёты и построения вносили хоть какое-то разнообразие в неторопливое и угрюмое тюремное бытие.

На производственном объекте, хотя и за колючей проволокой,

с автоматчиками на вышках, режим и надзор были несравненно мягче, чем в жилой зоне. На работе можно устроить перекур, сачкануть, перетереть с кентами лагерные новости. Здесь легче было получить «дачку» — нелегальную посылку. По воскресеньям завод пустовал, охрана снималась, и любой мог зайти на территорию производственного объекта, спрятать в заранее условленном укромном месте свёрток с продуктами, чаем, сигаретами, выпивкой.

Всё доставленное нелегальным путём оприходовалось здесь же, на месте, и редко проносилось в жилую зону. Ибо по возвращению с производственного объекта зеков ожидал придирчивый обыск — «шмон». На заводе же мастера-вольняшки редко обнюхивали зеков на предмет употребления алкоголя. Дежурный наряд прапорщиков-контролёров, в свою очередь, просто не в силах был уследить за всеми заключёнными, норотившими «затариться» по многочисленным складам, инструменталкам, каптёркам и прочим наскоро сколоченным «бендюжкам», позволявшим лагернику скрыться от начальственного пригляда и обеспечивающим самое редкое в тюремном быту — хоть какое-то, пусть кратковременное, уединение.

Но самым главным было, наверное, то, что на работе зек хоть на время превращался в обычного человека. Осуждённые-специалисты — механики, электрики,

слесари, шофёры — занимались своим профессиональным делом. С ними на равных советовались офицеры-производственники, здоровались за руку вольнонаёмные мастера.

За выполнение нормы выработки прощались прежние грехи, предоставлялись внеочередные свидания с родственниками, право на получение дополнительной посылки из дома. Хорошо работающий заключённый по старой, заведённой ещё в сталинских лагерях традиции, освобождался досрочно.

Тем не менее едва ли не половина осуждённых, в основном молодёжь, работала из-под палки. Причём нередко в буквальном смысле.

Есть такой зоновский анекдот. При распределении вновь прибывшего этапа начальник колонии спрашивает новичка:

— Какая профессия?

— Бригадир.

— А на нашем производстве работать сможешь?

— Да куда они, падлы, денутся...

Зачастую производственный план вышибался кулаками дюжих осуждённых-бригадиров. При этом зоновский бригадир был действительно профессионалом в своём деле. Он, как правило, вовсе не разбирался в тонкостях производственного процесса — формовке, обжиге кирпича или плетении металлической сетки. Зато умел заставить работать других, обломать непокорного,

походатайствовать перед начальством о поощрении мужика-«пахаря», прикрыть бездельничающего «блатного», приписать лишний процент выполнения нормы выработки всей бригаде, рассудить вспыхнувший между работягами конфликт и ещё массу полезных, важных для жизни в неволе дел.

Администрация на словах не поощряла кулачных методов стимулирования труда, иной раз отдавала бригадиров под суд — за сломанные челюсти, рёбра, но... все прекрасно понимали, что выполнить план только методом воспитания и убеждения, как предписывалось законом, практически невозможно.

Всяческие педагогические прибабасы по перевоспитанию осуждённых существовали только на страницах специального журнала для сотрудников с патетическим названием «К новой жизни».

В реальной жизни об успехах в перевоспитании и исправлении того или иного зека судили по тому, не уклоняется ли он от «общественно полезного труда», выполняет ли он норму выработки, не попадался ли на злостных нарушениях режима.

Впрочем, последние часто прощались передовикам производства, и водворённый за какую-то провинность в штрафной изолятор зек — ценный специалист, нередко освобождался оттуда досрочно волевым решением начальника колонии после

бурных, до мата, споров двух его заместителей — по режимно-оперативной работе и директора производства.

Секрет выполнения производственного плана «буграми» — бригадами — заключался ещё и в том, что в своих взаимоотношениях с подопечными они руководствовались зонавскими понятиями. И если зеку — «мужику» по колонийской жизни надлежало «пырять», он оставался «чёрным пахарем» до конца срока.

В ту пору существовало несколько видов режима отбывания наказания для заключённых.

На «общем» содержались осуждённые впервые за нетяжкие преступления.

«Усиленный» полагался тем, кто впервые совершил тяжкое преступление.

Осуждённые неоднократно направлялись на «строгий» режим. Те из них, кого суд в итоге признавал особо опасным рецидивистом, отбывали срок на «особом» режиме. Был ещё «тюремный», куда шли либо злостные нарушители режима содержания в местах лишения свободы, либо приговорённые к высшей мере — расстрелу и помилованные в последний момент.

Режим, по сути, означал ограничения, которые накладывались на зека в период отбывания наказания, а также условия содержания. Например, если обычно зеки жили в общежитиях, и в часы досуга могли гулять

по территории своего локального сектора, то на «особом» двери общежитий запирались. На «тюремном» режиме заключённые и вовсе круглые сутки находились в камерах с правом на ежедневную прогулку в течение часа в специальном тюремном двореке.

К слову, в популярном фильме «Джентльмены удачи» есть несоответствие, непонятное простому зрителю, которое сразу же отметили зеки. Простодушный Василий Алибабаевич, получивший год за разбавление бензина ослиной мочой, никак не мог оказаться в одной колонии с особо опасными рецидивистами, которых после трудового дня запирали в камере, да ещё и занимать там койку на лучшем месте — у окна. Впрочем, в искусстве, тем более комедии, такие ляпы простительны...

Чем строже режим, тем реже осуждённым предоставлялось право на получение передачи или посылки из дому, сокращалось количество длительных или краткосрочных свиданий. Когда-то к видам режима старались подгадать и работы для спецконтингента — чем жёстче режим, тем тяжелее. В «сталинские» времена существовали даже особые, каторжные лагеря, с тяжёлым физическим трудом, удлинённым рабочим днём и повышенной нормой выработки — как правило, на лесоповале, в шахте, руднике, золотом забое.

На излёте советской власти, в 80-е годы зеки, за исключением

шестидневки, работали, как и вольные, согласно КЗОТу. Вид работ зависел не от режима, а в основном от того, какое производство удалось организовать для осуждённых администрации «учреждения». На «строгом» режиме зеки могли, сидя в тепле и уюте, шить тапочки, а на «общем» вручную копать траншеи и котлованы на стройке.

Для осуждённых-несовершеннолетних, «малолеток», существовало два вида режима — общий и усиленный. Был ещё «спецусиленный», для малолетних убийц, но, кажется, не предусмотренный исправительно-трудовым кодексом, а придуманный высоким тюремным начальством, чтобы хоть как-то разобчить социально-опасных юных психопатов и мелких воришек.

Женские колонии тоже подразделялись на два вида режима — общий и строгий. Последний — для неоднократно судимых.

Усиленный режим отличался сложным составом заключённых. Приходили сюда зеки, осуждённые за тяжкие преступления: убийства, изнасилования, грабежи, разбои. Никто из них раньше не сидел. Наблатовавшись на воле, наслушавшись рассказов судимых корешей, каждый из которых непременно врал, живописуя свою тюремную жизнь как «правильную», по «понятиям», попавшая за решётку молодёжь пыталась качать права, стремясь занять в зоновской иерархии высшую ступень.

Как плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, так и зек, если он не «опустился» ещё в следственном изоляторе, «поднявшись» на зону, мнит себя не иначе, как будущим «вором в законе». Но процент последних ничтожно мал. Зона в конце концов ломает всех.

Чтобы стать настоящим «авторитетом», зек должен отсидеть не один десяток лет. При этом ни дня не работать, не пользоваться никакими льготами в виде условно-досрочного освобождения, помилования, отбывая срок «от звонка до звонка». Стойко вынести репрессии со стороны администрации, хрипеть, не сдаваясь, под дубинками надзирателей или конвоя, иметь за спиной месяцы протестных голодовок и годы, проведённые в камерах ШИЗО — штрафного изолятора и ПКТ — «помещений камерного типа», на зонавском жаргоне — «бура».

Чтобы пройти через всё это и не «зачуханиться», не сломаться, помимо железной воли, крепкого здоровья, кулаков, сметливого, изворотливого ума, требуется ещё и мощная поддержка с воли.

Ибо альтруистов в зоне нет, и никто просто так, от доброго сердца, не будет снабжать неработающего, рвущегося в авторитеты, сигаретами, чаем, харчами, которые можно купить в зонавском «ларьке» только на заработанные деньги. Нужен ещё и «подогрев» с воли, чтобы тебе передавали нелегальным путём деньги, водку, наркотики, слали

щедрые посылки. Делясь этим с кентами, ты подчеркнёшь свою значимость, заслужишь уважение, независимость. А голь перекатная, мелкая шпана с амбициями, шакалящая по мелочи у окружающей братвы то окуроч, то «замутку» чая, за решёткой никому не нужна.

На строгом или особом режиме, где отбывают наказание неоднократно судимые, нет такого бурлящего котла самоутверждений. Каждый уже чётко знает своё место в зонавской иерархии — «масть» — и не претендует на большее, следя только за тем, чтобы не скатиться ниже в колонийской «табели о рангах».

Место в ней каждый заключённый получает в результате своеобразного естественного отбора ещё при первой отсидке. И звание «пацана», «мужика», «козла», «чёрта» или «петуха» приклеивается к нему на всю оставшуюся тюремную жизнь.

Неоднократно судимые давным-давно поняли всю эфемерность «воровской романтики» и просто тянут свои «срока». Каждый — сам за себя. Человек человеку — волк...

3

Жизнь заключённого в колонии начинается с этапа. До этого он уже успевает насидеться в следственном изоляторе. Там, пока суд да дело, бывает, проходят годы. Но в среднем следствие и суд занимали

шесть-восемь месяцев, и после вступления приговора в законную силу осуждённого отправляли в места лишения свободы.

Этап в колонию, как правило, комплектовали из двух-трёх десятков человек, иногда — значительно больше. За ними на «воронках» — автозаках приезжал конвой — солдаты внутренних войск. Посчитав по головам, сличив физиономии зеков с фотографиями на личных делах, начальник конвоя давал команду на погрузку.

Заключённые с вещмешками — «сидорами» в обнимку суетливо, под истошный лай караульных псов ныряли в тёмное нутро машины, где их рассаживали в специальные клетки — «боксы». При этом несовершеннолетние, женщины помещались отдельно.

Была ещё одна категория осуждённых — «активисты», «красные», которых тоже содержали раздельно с основной массой заключённых. На личных делах активистов в спецчасти следственного изолятора делалась пометка красным карандашом: «этапировать отдельно». В случае нарушения этого правила, конвоиры рисковали доставить к месту назначения труп. Во время этапа зеки мстили «активу», зная, что в колонии пугливые «краснопёрые» воспрянут. Превратятся в бригадиров, завхозов, дневальных, нарядчиков и начнут, в свою очередь, щемить зоновскую братву.

На вокзале заключённых грузили в вагонзаки, прозванные «стольпинскими», и везли от станции к станции, где своих подопечных уже ждал конвой солдат-«чекистов» из близлежащих колоний.

Во время этапа «чекисты» не церемонились. В вагонзаках конвой нередко бывал поголовно пьян и отрывался на зеках по малейшему поводу.

Встречали прибывших тоже неласково — пинками, затрецинами загоняли в опутанный ключей проволокой предзонник, затем вели на вахту. Здесь подвергали тщательному шмону, переодевали в одежду установленного образца — чёрные моlesкиновые куртки, брюки, зимой к ним добавляли бушлаты, суконные, на «рыбьем меху» шапки и отправляли на карантин, в «этапку».

На Мелгоре в «этапке» командовал здоровенный зек-«активист» с пудовыми кулаками по фамилии Лебедев. О прибытии «авторитетных» заключённых администрацию и зону предупреждали заранее — естественно, по разным каналам. Но в годы, о которых я рассказываю, новичков, претендующих на лидерство, брали в оборот сразу и прятали в штрафной изолятор, чтоб не мучили воду. В «этапке» оставалась основная масса «нормального» спецконтингента.

Чтобы с ходу развеять иллюзии вновь прибывших в отношении их будущей карьеры в

зоновской иерархии, Лебедев ещё в карантине гонял их на самые позорные работы, недопустимые для авторитетного зека, — уборку территории, помойки, «запретки». Если кто-то из новичков заявлял, что такая работа ему «в падло», «по понятиям не канает», Лебедев быстро ставил на место строптивного с помощью кулаков.

— Ну, давай по-честному, по справедливости, один на один! Если ты меня «сделаешь», я пойду вместо тебя мусор грузить, — прикалывался «активист». — А если я тебя урою — пойдёшь в «петушатник», будешь спать у параша до конца срока!

Расставшись с мечтами о воровской карьере, новичок угрюмо брёл с лопатой на помойку и на всю тюремную жизнь становился зоновским «пахарем» — «мужиком».

Впрочем, Лебедев был не настолько твердолоб, чтобы очень уж ломать непокорных. Если после пары оплеух новичок твёрдо стоял на своём, активист отступал, писал докладную об отказе от работы без уважительной причины, и строптивного наказывали уже официально, водворением в ШИЗО.

Должность завхоза карантинного помещения, которую занимал осуждённый Лебедев, считалась одной из самых «козлячьих», а потому и опасных. В любое время можно было нарваться на совсем уж «отмороженного» новичка или психопата и получить удар

заточкой под рёбра. Но Лебедева эта участь миновала. Зарезали его уже после освобождения, на воле, какие-то малолетки, от которых он, не принимая всерьёз, отмахнулся высокомерно в ходе вспыхнувшего конфликта возле пивной...

За время пребывания в карантине администрация знакомилась с личными делами осуждённых, ставя на особый учёт склонных к побегу, больных, инвалидов. А примерно через неделю собиралась комиссия по распределению этапа.

Заседала она в жилой зоне, в специальной комнате, где стоял длинный стол, заляпанный с незапамятных времён чернилами — для представителей администрации. Напротив — ряды длинных скамеек для осуждённых.

Возглавлял комиссию начальник колонии. Здесь же присутствовали его заместитель по режиму и оперработе, замполит — так именовался замначальника ИТК по политико-воспитательной работе, директор производства, начальники режимной, оперативной, медицинской частей, начальники отрядов.

Распределяли этап примерно так: восседавший во главе стола грузный седой подполковник Владимир Андреевич Медведь — «хозяин» зоны — брал из стопки лежащих перед ним личных дел в картонных папках верхнее, открывал, читал про себя, недовольно хмурясь, а потом объявлял громко:

— Осуждённый... Жит... пис... баев! Правильно я назвал? Кто?!

Житписбаевым оказывается длинный, худой и унылый казах. Он поднимается, глядя под ноги и теребя в руках зоновскую кепку — «пидорку».

— Так... Ну, давай почитаем всем, что ты натворил... — Медведь читает подшитую к личному делу копию приговора: — Работая водителем в совхозе... Во время перевозки зерна с тока... будучи в нетрезвом состоянии... посадил в кабину доярку Гульнару... Ага! Остановился в кукурузном поле, где совершил с ней насильственный половой акт. Было такое, Житписбаев?

Зек шмыгает носом и виновато кивает.

— Уговорить не мог... — тихо хихикает кто-то из отрядников.

— Но, — продолжает Медведь, — это ещё не всё! Затем, на окраине села... — это что ж, она с тобой, дура, дальше поехала? На окраине села... предложил потерпевшей вновь совершить половой акт в извращённой форме. От чего она, естественно, отказалась! — с удовлетворением заключает начальник колонии и закрывает личное дело.

— Приговорён к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима, — объявляет Медведь. — Но! — обращает он взор на осуждённого, — при условии хорошего поведения и добросовестной работы через пять лет мы можем направить вас, Житписбаев,

на стройки народного хозяйства или в колонию-поселение. Ясно?

Зек опять обречённо склоняет голову.

— По профессии шофёр? — подключается к разговору директор производства подполковник Зубов.

Осуждённый — сама скромность и раскаяние — снова кивает.

— И права есть? Дома? Пусть пришлёт. Автомобиль мы сейчас тебе не доверим. Будешь пока водить тачку на кирпичном заводе. А там посмотрим. Как он себя ведёт? — обращается Медведь к «активисту» Лебедеву.

— Нормально, гражданин начальник, — вскакивая с лавки, докладывает тот. — От работы не отказывается, в блатные не лезет.

— Как, Житписбаев, работать будешь? Искупать, так сказать, добросовестным трудом вину перед обществом и Гульнарой? — допытывается начальник колонии у заключённого.

— Буду, — обещает Житписбаев. — Мой фотка в совхозе на Доске почёта висел...

— Прекрасный парень! — заключает Медведь. — Побольше бы нам таких. А то присылают ништяков беспонтовых — ни украсть, ни покараулить... К тебе, Борисенко, в шестой отряд.

Начальник отряда капитан Борисенко с видимым удовольствием записывает фамилию новичка в блокнот. «Мужики-пахари» любому отрядному ох как нужны!

— Следующий... Иванов!
— начальник колонии берёт очередную папку, читает: — Младший сержант Иванов... самовольно оставил расположение войсковой части... четыре года лишения свободы.

Иванов, остроносый белобрысый паренёк, встаёт.

— Из армии убежал? — спрашивает подполковник.

— Убежал, — соглашается Иванов.

— У нас за побег — пуля!

Иванов понимающе кивает.

Слово берёт начальник оперчасти, на зоновском жаргоне «кумотдела», — капитан Александров:

— Владимир Андреевич, Иванов по личному делу проходит как склонный к побегу.

Медведь задумчиво смотрит на жирную полосу, проведённую красным карандашом по диагонали обложки личного дела — так ещё в спецчасти СИЗО помечают потенциальных «побегушников».

— Ничего, — машет рукой начальник колонии, — куда он от нас побежит? Обрато в армию? Давайте его в третий отряд. В ночную смену на работу не занаряжать пока. А то ещё, правда, полезет на забор сдуру. Профессии у тебя, сынок, конечно, нет?

— ПТУ перед армией закончил. На автослесаря.

— Ну какой ты автослесарь! Будешь пока сетку плести, а там посмотрим...

Не обходится без курьёза. Среди вновь прибывших оказывается ещё один военный — старший лейтенант. Срок — три года лишения свободы за хищение боеприпасов — гранат, толовых пашек. Старший лейтенант за магарыч продал их мужикам-колхозникам. Те глушили рыбу, с чем и попались, заложили на следствии своего поставщика...

Тут к работе комиссии активно подключается начальник режимной части майор Прокофьев. Ему уже за пятьдесят, на Мелгору переведён недавно из областного центра — проштрафился. Каким образом — ясно: бордово-фиолетовый «спецагар» на лице выдаёт пристрастие майора к алкоголю. Он уже дважды подехидными взглядами отрядных приложился к стоящему на столе графину с водой — сушит после вчерашнего.

— Вы коммунист?! — грозно вопрошает у зека майор.

— Так точно! Бывший! — рапортует старлей.

— Коммунист при всех обстоятельствах должен оставаться коммунистом! — напирает Прокофьев. — Я предлагаю вам ответственный участок работы — в столовой. На должности хлебобореза. Не воровать, блатных не подкармливать. Считайте это партийным поручением!

— Слушаюсь! — радостно вытягивается по стойке смирно бывший старший лейтенант.

Ещё бы! Столовая — это вам не кирпичный завод, хлеборезка — не тачка с глиной...

Начальник «кумотдела» скептически улыбается. И воровать будет, и порционным маслом «авторитетов» подкармливать... Это — реалии зоновой жизни. От них никуда не денешься.

Распределение этапа закончено, но на столе ещё два личных дела.

— Каракашвили... Саркисян... — читает Медведь.

— В ШИЗО, — сообщает зам по режимно-оперативной работе. — Каракашвили отказался от чистки картофеля, а Саркисян требует отправить его отбывать наказание по месту жительства — в Армению.

— Пусть считает нашу Мелгору Араратом! — хмыкает Медведь. — Мамбетов! Возьмёшь обоих к себе!

Начальник пятого отряда капитан Мамбетов возмущённо вскакивает:

— Товарищ подполковник! У меня этих «зверей» уже пол-отряда! Всю шваль ко мне, а кто план выполнять будет?

— Ничего. Перевоспитаешь...

Мамбетов обречённо садится.

У него один из самых сложных отрядов, но Колька Мамбетов справляется. С нарушителями дисциплины, отказчиками от работы разбирается лично. Для этого в кабинете у него хранятся кожаные перчатки.

— Смотри, займётся тобой прокурор, — не раз предупреждал

Кольку Медведь, сам, впрочем, начинавший свою тюремную карьеру с младших лейтенантов-отрядных, и хорошо знающий «специфику» воспитательного процесса в зоне. Тем более что официальных жалоб на Мамбетова на рукоприкладство от заключённых не поступало.

Несмотря на своеобразные методы воспитательного воздействия, в отряд к Мамбетову идут охотно. «Мужиков»-работяг в обиду он не даёт. У него легче всего попасть на досрочное освобождение, на «химию» или в колонию-поселение. Мамбетов вовремя подготовит документы в суд, поможет написать слезливую «помиловку». А насчёт рукоприкладства... Помню, привёл он как-то на освидетельствование в медчасть пьяненького зека из своего отряда. Медики подтвердили — действительно пьян. Видать, разжились где-то в отряде полученной по нелегальным каналам выпивкой.

— Николай Дулумбетович! — взмолился зек. — Не вешайте взыскание! У меня через месяц «УДО» подходит. Лучше морду набейте!

— Ладно! — согласился отрядный.

И взяв за шкуру раскаявшегося зека, поволок в отряд — на разборки.

На все виды досрочного освобождения из колонии требовалось решение суда. Если в личном деле осуждённого оказывалось подшито постановление

о наложении взыскания за нарушение режима — суд отказывал в досрочном освобождении. Так что, если и впрямь виноват, лучше получить неофициально по морде, чем «париться» в зоне лишние месяцы, а то и годы.

Кому-то покажутся дикими и возмутительными подобные методы «перевоспитания», но колонийская жизнь — особая. Добро и зло в ней часто меняются местами, превращаясь в свою противоположность.

4

Начальник отряда в колонии — должность самая не престижная. Понимая это, эмвэдэшное руководство повысило «отрядным» денежное содержание, потолок звания до майора — но всё попусту.

Начальник отряда отвечает практически за весь жизненный уклад заключённых — режим, выполнение производственного плана, санитарное состояние жилых помещений, наличие у подопечных обмундирования по сезону, постельных принадлежностей. Он должен вести, по крайней мере, на бумаге, постоянную индивидуально-воспитательную работу, организовывать художественную самодеятельность, следить за тем, чтобы осуждённые, не имеющие среднего образования, посещали колонийскую школу-десятилетку, да ещё и успевали по всем предметам, проводить политзанятия,

переписываться и встречаться с родственниками заключённых, обеспечивать зеков работой для погашения судебных исков и выплаты алиментов, оформлять документы на досрочное освобождение, а иногда — женить или хоронить...

С учётом того, что в среднем отряд насчитывал около ста двадцати заключённых, перспектив успеть переделать все вышеперечисленные дела и ещё десятки других у «отрядника» практически не было.

В годы, о которых я здесь рассказываю, осуждённые на Мелгоре делились на десять отрядов. Один состоял из стариков-инвалидов (надо заметить, что лица пенсионного возраста в местах лишения обязаны были трудиться с учётом состояния здоровья и остаточной трудоспособности) и «хозобслуги» — зеков, обеспечивающих функционирование жилзоны — поваров, банщиков, кочегаров. Ещё один отряд — «бесконвойников», работавших без охраны вне зоны. В их число отбирались, как правило, наиболее надёжные заключённые, досиживающие свои сроки, не нарушающие дисциплину, специалисты — шофёры, трактористы, электрики, сантехники. Бывшие колхозники, знакомые с крестьянским трудом, охотно использовались администрацией на работах в подсобном хозяйстве — «подхозе». Здесь в обилии водилась живность, обеспечивавшая добавку к скудному тюремному

пайку — свиньи, коровы, лошади, птица. Сажали большой огород — картошку, лук, морковь, свёклу, капусту.

В начале восьмидесятых годов чья-то светлая голова из тюремного ведомства объявила мелгоровскую колонию специализированной по лечению туберкулёза. И потому сюда согнали «тубиков», осуждённых на усиленный режим, со всей области. С учётом каторжных условий труда на кирпичном заводе, степного климата с пронизывающими ветрами и свирепыми морозами зимой, заболевших туберкулёзом лёгких на самой Мелгоре тоже хватало. Например, на первом же профосмотре после моего прибытия в зону в качестве врача, было вновь выявлено около семидесяти человек, больных активным туберкулёзом! Забегая вперёд, замечу, что через четыре года количество впервые заболевших туберкулёзом в колонии снизилось до нуля...

Но в начале восьмидесятых в зоне содержалось около трёхсот человек, больных туберкулёзом. Из них около ста пятидесяти — в активной фазе, с распадом, кровохарканьем, бацилловыделением. Они лежали в стационаре, куда никто, кроме медработников, старался не входить. И хотя прапорщики-контролёры за риск заражения получали пятнадцатипроцентную надбавку к окладу, туботделение они посещали редко. И потому не только лечение, но и режим содержания полутора

сотен оторвяг-уголовников обеспечивали в основном врачи и медсёстры. С помощью «активистов» — дневальных с крепкими кулаками.

Вторая половина туберкулёзников — в «неактивной» фазе заболевания, но имевшие ограничения в трудоустройстве, работали в швейном цехе. Шили рукавицы, женские халаты, спецодежду, в том числе и армейского образца.

Остальные отряды — «здоровые», трудились на кирпичном заводе и в так называемом «Цехе-580», где выпускали какие-то детали к танковым гусеницам для оборонной промышленности.

В жилой зоне заключённые размещались в двух- и трёхэтажных общежитиях, представлявших собою большие спальные комнаты с полусотней двухъярусных железных кроватей. На каждую кровать полагалась деревянная, крашенная коричневой половой краской тумбочка для личных вещей — мыла, зубного порошка или пасты, письменных принадлежностей. При этом на тумбочке и кровати вешивалась бирка с фамилией владельца. Делалось так потому, что спальное место, на котором зек проводил порой долгие годы, являлось особенно важным показателем его положения в отряде и в зоне.

В соответствии с правилами внутреннего распорядка, только начальник отряда имел право указать ту или иную койку,

ярус, где зек обязан был спать. Однако на практике занимались этим завхозы, которые быстренько размежёвывали всех обитателей по мастям, приятельским отношениям и земляческим симпатиям. Но при любом раскладе ближе к выходу всегда селили «опущенных», «чертей», а солидные, уважаемые зеки устраивались в дальнем конце помещения, у окошка, и непременно на первом ярусе койки.

В отсутствии заключённых постели должны были тщательно заправляться. В это время дневальным надлежало мыть полы, протирать пыль. У завхозов это называлось: «отпидорасить помещение так, чтоб сверкало, как у кота яйца». Но фактически уборкой всегда занимались либо «опущенные», либо временно освобождённые от работы на производственном объекте по болезни вечные пахари — «мужики».

Кроме спального помещения, в каждом отряде были умывальные комнаты, туалеты, сушилки для одежды, бытовки и каптёрки. В последних на высоченных, под потолок, стеллажах, хранились «сидоры» — вещмешки или самодельные холщёвые сумки с личными вещами осуждённых — запасной одеждой тюремного образца, продуктами питания длительного хранения, обувью и т.п. Каждый «сидор» снабжался биркой с указанием фамилии владельца, номера отряда и бригады.

За сохранность вещей отвечал завхоз, но краж практически не случалось. «Крысятничество» в зоне — страшный грех, за него запросто могут «опустить». Закон: «не я положил — не мне и брать» соблюдался свято.

Несмотря на строгие запреты, в каждой каптёрке обязательно оборудовался топчан, на котором почивал завхоз, стол с электроплиткой, какой-нибудь собранный и спаянный из запчастей проигрыватель с набором грампластинок и динамик проводного радио. Иметь магнитофоны, радиоприёмники, как и фотоаппараты, осуждённым в зоне категорически воспрещалось. Однако компактные транзисторные приёмнички, нелегально переданные с воли, у завхозов всё же водились.

Периодически нагрянувшие с обыском режимники и приданные им прапора-контролёры разносили в пух и прах этот зоновский уют. Срывали со стен журнальные вырезки с изображениями красавиц, шмякали об пол хрупкую аппаратуру, изымали электроплитки, разбирали с помощью гвоздодёров топчаны, но уже на следующий день хлопотливые завхозы восстанавливали «биндюжки», обустривая и украшая их на свой лад пуще прежнего.

Начальники отрядов, в отличие от режимников, смотрели сквозь пальцы на подобные закутки, ибо понимали, что заключённому, годами находящемуся

буквально в толпе себе подобных, просто необходимо изредка уединиться. Но были правы и режимники, потому что чаще всего в таких вот каптёрках устраивались пьянки, всяческие разборки с поножовщиной, играли в карты, здесь «опускали» слабых и хранили запрещённые вещи.

Помимо завхоза, которого назначали из числа самых толковых активистов, в отряде по штату предусматривалась должность дневального. Он должен был поддерживать санитарный порядок, но этим, как я уже говорил, всегда занималась зонавская голытьба. Дневальный — «шнырь» — по большей части был на посылках у завхоза, а в отсутствие — замещал его.

Если в помещение входил сотрудник колонии — представитель администрации, дневальный был обязан подать команду: «Отряд, внимание!» — и доложить прибывшему о количестве находившихся в помещении заключённых, назвать фамилии больных и отсутствующих по уважительной причине — на свидании, в ШИЗО. Заслышав команду, зеки обязаны были встать и при приближении офицера или прапорщика представиться — назвать фамилию, статью, срок.

Впрочем, докладывали далеко не каждому, и начисто игнорировали «беспонтовых» сотрудников — тех, кто не имел права наказывать заключённого официально или как-то подгадить ему при случае. Дневальные лебезили

и заискивали перед требовательными сотрудниками, другим запросто могли нахамить. Зона мгновенно раскусывала человека: перед каким-нибудь прапорщиком-контролёром трепетала и в то же время огрызалась на замечание майора, попавшего в разряд «беспонтовых».

К слову, к докторам в колонии относились уважительно. Но только к тем, кто носил погоны, то есть был «аттестован». При появлении их в отряде присутствующие зеки вставали, дневальные докладывали. А вот «вольнонаёмные» врачи и медсёстры воспринимались без особого почтения. Откровенно им без повода не хамили, но и руки по швам перед ними никто не тянул...

Неуважаемые сотрудники, как правило, либо пожинали плоды своей беззубости, необязательности (обещал поощрить или наказать зека — обязательно выполни обещание!), либо когда-то вляпались в незаконную связь, польстились на зековские подачки. Таких зона чувствовала нутром, вычисляла мгновенно и глубочайшим образом презирала.

Среди отрядов в духе тех времён устраивали соцсоревнование, победителям которого вручали призы — спортивный инвентарь, телевизоры... При подведении итогов соревнования учитывалось выполнение производственного плана бригадами отряда, количество дисциплинарных взысканий, санитарное

состояние спальных и бытовых помещений.

За санитарное состояние отряда отвечали его начальник и завхоз.

Примерно раз в месяц в жилзоне собиралась так называемая санитарно-бытовая комиссия. В неё входили начальники режимной, медицинской частей, инструктор по политико-воспитательной работе и инженер по технике безопасности. Но начальники частей уклонялись обычно от этого малозначительного мероприятия, посылая вместо себя своих сотрудников.

От режимников чаще всего назначался Володя Цыганов — грузный молодой капитан с заметным животиком, от ПВР — капитан Музыкантский, вечный комсомольский вожак, и хмурый неразговорчивый мужик — вольнонаёмный инженер по ТБ Шванюк, а также автор этих строк — как представитель медчасти и председатель комиссии.

По главной, присыпанной шлаком и крепко притоптанной дорожке комиссия неторопливо шествовала в отряды. Ещё на подходе к ним «локальщики» извещали о приближении «ментов» своих завхозов, начиналась беготня. Кто-то выскакивал из помещения и мчался на зады, ближе к запретке, кто-то, наоборот, бежал в отряд — прибрать подальше какую-то запрещённую вещь, чтобы её не изъяли при шмоне.

— Тарятыся, суки, — хмуро бормочет Цыганов и, перехватив одного из пробежавших мимо, командует грозно: — А ну стоять! Ко мне!

Зек приближается настороженно. Капитан привычно и равнодушно, глядя куда-то поверх его головы, начинает методично обшаривать заключённого, время от времени приказывая:

— Расстегнись... Дай кепку... Сними правый сапог... Носок тоже...

Извлекая из кармана осуждённого какой-нибудь самодельный, сработанный из плексигласа мундштучок или блокнотик, Цыганов бросал их в прихваченную с собой специально для таких целей холщовую сумку. Потом, хлопнув зека по спине, напутствовал:

— Свободен... марш в отряд!

— Гражданин начальник, блокнотик верните... — канючит зек. — Там у меня адреса заочниц...

— Не положено... — хмуро отмахивается Цыганов. — Письменные принадлежности, ручки, тетради, конверты и блокноты должны храниться в тумбочке. А не в кармане...

При входе в отряд комиссию встречает истошный вопль дневального:

— Отр-р-ря-ад! В-в-нима-а-ание-е!

Затем, запыхавшись, выбегает и он сам. Торопливо зыркнув глазами по комиссии, испуганно таращась, докладывает Цыганову, как представителю самой

грозной для зеков режимной службы:

— Гражданин начальник! Отряд находится на рабочих объектах. В помещении пять человек...

Капитан останавливает его пренебрежительным жестом:

— Захлопни варежку. Я только что видел втрое больше... Щас, поглядим, чего это вы тут кучковались...

Комиссия начинает работу. Я вхожу в спальное помещение, заглядываю под кровати, отодвигаю тумбочки. Следом за мной с отрешённым видом слоняется второй дневальный, которому я указываю на пыль.

— Всё, выписываю на тебя постановление на лишение ларька! — объявляю сердито. — В прошлый раз предупреждал. Опять грязь, мусор. Лень тумбочку отодвинуть, и под ней тряпкой махнуть?

Дневальный, заложив руки за спину, цыкает зубом — мол, не такое видали... Лишение на месяц права закупки продуктов питания в зонновском магазинчике — ларьке, не бог весть какое взыскание. Тем более, для шныря, для которого поесть досыта — не проблема.

— Когда начальник отряда в последний раз был? — интересуюсь у него.

— Да, кажись, на той неделе... Я ему, гражданин доктор, в натуре, тыщу раз говорил. Давайте мел — потолок побелим. Краска, опять же, нужна...

— Ты мне про побелку не заливай! — окорачиваю его. — Полы лучше мыть надо! А мешок мела с объекта тебе любой бригадир привезёт.

— Так на вахте же зашмонают, не пропустят... — оправдывается дневальный, и тут же срывается на какого-то зека, прошмыгнувшего было мимо: — А ты чего, бычара, вошкаешься?! Хватай тряпку и пидорась по-новой полы! И под шконками пыль вытри! А то я харей твоей всё тут протру и марафет наведу!

Пока я проверяю санитарное состояние, Музыкантский, чему-то потаённо улыбаясь, изучает стенную газету отряда под названием «На свободу — досрочно». Проходя мимо, интересуюсь: газета старая, выпущена ещё к празднику 8 Марта (на дворе уже сентябрь). Рядом с передовицей, переписанной не иначе как с отрывного настенного календаря, старательно, ровными буквами, выведен стих местного поэта:

*В картах был он королём,
Дерзким был и смелым.
Проигрался и потом
Стал он... королевой!*

Ничего не скажешь, доходчивая агитация против запрещённой в зоне азартной игры...

В это время Цыганов громит каптёрку. Оттуда доносится треск отдираемой фанеры и причитания завхоза (правильно его должность называлась «старший дневальный») Гафарова.

Гафаров — бывший старшина милиции, уволенный за какую-то провинность ещё до осуждения. Поэтому он отбывает наказание не в спецзоне для бывших сотрудников органов внутренних дел, а на общих основаниях.

— Вытряхивай на хрен! — кричит Цыганов, и я вижу, как завхоз, постанывая от горя, выдирает с корнями из консервной банки герань, всю в мелких алых соцветиях. Комнатные цветы в отрядах строго запрещены. В горшочках удобно закапывать наркотики, деньги...

Я записываю замечания по санитарному состоянию в блокнот. Позже эти записи лягут в основу приказа начальника колонии, в котором я уже запланировал вклеить выговор начальнику отряда.

Работа санитарной комиссии продолжается...

Кстати, санитарное состояние жилой и промышленной зон колонии находилось под пристальным вниманием не только местной администрации, но и медицинского отдела областного УВД. Не стоит думать, что колонии 80-х годов напоминали чем-то лагерно-барачный ГУЛАГ. В городских ИТУ зеки жили в чистеньких, всегда свежескрашенных двух-трёхэтажных общежитиях, спали на белых простынях, пищу принимали в сверкающей кафелем столовой. Территории колоний были заасфальтированы, то тут, то там благоухали клумбы цветов...

Мелгора и в этом выделялась в худшую сторону. Из-за удалённости, «дешёвого» производства (кирпич, мел, известь — это вам не полированная мебель или кованные металлические изделия, которые выпускали другие зоны), из-за ограниченного кадрового потенциала (многие начальники отрядов имели образование не выше сельского ПТУ), а также потому, что сюда и зеков отправляли с глаз долой, из числа тех, кто похуже — не умеющую ни украсть, ни покарать приклатнённую молодёжь, злостных нарушителей режима, — жилзона Мелгоры выглядела неухоженной, грязной. Вместо асфальта — притоптанный шлак. Клумба цветов — только возле отряда хозяйственных, домовитых бесконвойников. В помещениях отрядов сыро, неудобно. Трубы, сантехника в ржавых потёках, краска пузырится и пластами отваливается от стен, побелка пачкается, в коридорах на полу — растрескавшаяся керамическая плитка, рваный, в пятнах заплат, линолеум, выбоины, цементная пыль...

Начальник санэпидотдела УВД, вольнонаёмный доктор Николай Попов частенько объезжал исправительно-трудовые учреждения области, зная и непременно обследуя все значные колонийские места. По итогам таких проверок составлялась справка на имя начальника УВД, в чьём ведении тогда находилась

и пенитенциарная система. Генерал делал оргвыводы уже в отношении руководства колонии. Поэтому, хотя Попов и не имел специального звания, был, как говорили тогда, «неаттестованным» сотрудником, начальники колонии относились к нему с почтением.

Как-то раз Попов в моём сопровождении побывал в отряде уже упомянутого мною завхоза Гафарова. Облазив каптёрку, санитарный доктор в этот раз не нашёл вопиющих нарушений. И всё дотошно допрашивал дневального, есть ли в отряде насекомые — вши, тараканы. Честно глядя в глаза проверяющему, шнырь возмущённо всплескивал руками:

— Откуда, гражданин начальник?!!

Завхоза в отряде не было. Когда мы с Поповым вернулись в санчасть, в процедурном кабинете нас ждал пригорюнившийся Гафаров.

— Завхоз третьего отряда! — отрапортовал он, вскакивая навстречу. На мой вопрос, что привело его в санчасть, ответил, потупясь.

— Да вот, гражданин доктор, пока спал, мне «стасик» в ухо заполз. Вытащить бы, а то шебуршится там — спасу нет.

«Стасиками» в зоне называли тараканов. Ехидно улыбаясь, Попов достал блокнот и сделал пометочку. После она переключивала в акт обследования санитарного состояния колонии: «В ходе

проверки жилых секций отрядов выявлено наличие тараканов...»

— Которые обитают в ушах ваших завхозов, — устно пояснил Попов «хозяину» зоны Медведю.

5

Кроме основного производства, каждый осуждённый был обязан отработать не менее двух часов в неделю на хозяйственных работах — уборке прилегающей к отряду территории, вывозе мусора, чистке картофеля на кухне и т. п. Надо ли говорить, что работы эти считались позорными и реально занимались ими одни и те же осуждённые. Зекам, придерживающимся «понятий», такой вид деятельности был «западло», и направление на кухонный наряд обычно заканчивалось для них водворением в штрафной изолятор с формулировкой «за отказ от общественно полезного труда».

Выручали «мужики», которых за пачку сигарет или «замутку» чая можно было послать вместо себя. Но если у отрядного или завхоза был зуб именно на этого «блатного», то подмечаться не удавалось и приходилось собираться в ШИЗО. На отказе от хозработ можно было постоянно поддавливать рвущихся в «авторитеты» молодых зеков и гноить в изоляторе, заодно, как злостным нарушителям режима содержания, обрубая все надежды на условно-досрочное освобождение.

Никакие меры воспитательного воздействия, разного рода душещипательные беседы, кроме холодной, с цементными полами, камеры или увесистого кулака «завхоза» при этом, естественно, не помогали.

Помню, как-то раз в колонию с группой проверяющих из областного УВД приехал сотрудник отдела ПВР (политико-воспитательной работы). Молодой капитан-очкарик из партнабора. Были в ту пору такие методы отбора кадров для органов внутренних дел — по комсомольским и партийным путёвкам. Вчерашний инструктор какого-то райкома партии или комсомола, только что надевший погоны, впервые оказавшись в зоне, закусил удила. Весь день он вгонял в холодный пот отрядников, большинство из которых в своё время закончили лишь сельское профтехучилище, цитатами из Маркса, Ленина, выдержками из постановлений ЦК КПСС, требуя с них отчётов о педагогических приёмах и планах работы с перевоспитуемым спецконтингентом. Вечером, уставший и раздосадованный тупостью отрядных, для которых конспекты политзанятий писали, как правило, смышлёные зеки, капитан пожаловал на вахту.

В тот вечер дежурным помощником начальника колонии (сокращённо ДПНК) был старший лейтенант Батов. Несколько минут назад завхоз привёл

ему зека из новичков. Будучи назначенным в наряд на чистку картошки, тот с гордостью отказался.

— Ты что, казол, — с лёгким кавказским акцентом вкрадчиво поинтересовался Батов, — только на зону поднялся, а уже свои порядки нам здесь устраиваешь?

Зек, держа руки за спиной, молчал насупленно.

— Правильный пацан, да-а? Чтоб ты знал, абориген, на будущее: я здесь для тебя правильный пацан. А ты для меня пока чёрт. Усёк? Отсидишь лет пять — тогда увидим, что ты из себя представляешь. Сейчас в крыкушник, в ШИЗО пойдёшь... — и крикнул в комнату дежурных контролёров: — Магомед! Хады сюда, дарагой! Закоцай его!

Магомед, прапорщик-контролёр, азербайджанец, славился умением надевать наручники.

К слову, тюремщики используют стальные браслеты совсем не так, как милиционеры, а ныне полицейские, или, на зонновском жаргоне, «вольные менты». Милиционеры, заведя руки задержанному назад, защёлкивают браслеты на запястьях. Зеки, отличающиеся преимущественно худощавым телосложением, легко избавлялись от них. Для этого достаточно, опустив скованные руки как можно ниже, протолкнуть между ними таз, ноги, и вот уже наручники оказывались застёгнутыми спереди. После чего, манипулируя

кистями рук, можно было легко расстегнуть замки любыми подручными средствами — например, спичкой.

Зная это, тюремщики, надевая на зека наручники, засучивали ему рукава. И защёлкивали браслеты высоко на предплечьях, едва ли не у локтей. К тому же защёлкивали туго, так, что наручники глубоко впивались в кожу. Из таких не вылезешь, не расстегнёшь!

Понятно, что долго в застёгнутых таким образом наручниках держать зека нельзя — из-за передавленных сосудов, отсутствия кровоснабжения мог наступить некроз тканей. А вот «стреножить», успокоить буйного или поставить на место наглого осуждённого за несколько минут всегда удавалось.

Вот и Магомед, подойдя к отказчику, привычным движением ткнул того кулаком в живот. Зек, охнув, согнулся. Здрав на нём рукава фуфайки, прапорщик защёлкнул браслеты на предплечьях, затянув ударом кулака. Железо впилось в мышцы. От невыносимой боли у зека на глаза навернулись слёзы.

— Постой так, подумай. Мордой к стене! — скомандовал заключённому Батов.

Тут-то в дежурке и появился новоиспечённый инструктор политотдела.

— В чём дело? Что здесь происходит? — не без возмущения поинтересовался он, взирая на уткнувшегося носом в угол комнаты зека.

— Наказан, — коротко бросил Батов, не считавший заезжего капитана большим начальством. — Картошку чистить, понимаешь, отказался в столовой. Сейчас в штрафной изолятор на десять суток пойдёт.

Найдя благодатное поле для воспитательной деятельности, капитан подошёл к зеку, и, поправив очки, глубокомысленно начал:

— Повернитесь ко мне, гражданин осуждённый! Как вам не стыдно? Ведь вы отказываетесь участвовать в приготовлении пищи для ваших же товарищей! Которые сейчас на производственных объектах выполняют и перевыполняют планы работ на благо страны! Они что же, по вашей милости должны остаться голодными? Стыдно. Я вижу на ваших глазах слёзы. Может быть, вы одумались, раскаялись?

Не выдержав дикой боли от сдавивших руки наручников, зек обмочился в штаны и в отчаянии заорал:

— Гражданин дежурный! Ведите меня скорее в ШИЗО. И уберите на хрен этого очкастого пидора! А то я ему нос откушу!

Оскорблённый политработник отшатнулся и укоризненно покачал головой:

— Неисправимый тип...

— Да не-е... — добродушно хмыкнул Батов. — Нормальный пацан. Все они поначалу — с гонорком да с норовом. Подуркует мал-мал, посидит — шёлковый станет!

Все отряды в жилой зоне выгораживались изолированными друг от друга локальными участками. Локальный сектор или, в просторечье, «локалка», представляла собой пространство, включающее здание общежития и территорию вокруг, обнесённые решётчатым забором из стальных прутьев в два пальца толщиной, метров пять высотой.

В локальный сектор попасть можно было только через ворота с калиткой, которая запиралась на электрозамок. Здесь же строилась будочка — маленькая, примерно два на два метра площадью, в которой круглые сутки обитал зек-локальщик. У него была селекторная связь с центральным пультом, на котором тоже круглосуточно дежурил зек, отпиривший по просьбе локальщика электрозамки. Таким образом, ни один заключённый не мог покинуть территорию локального участка без разрешения старшего локальщика.

Уважительными поводами для выхода за пределы считались вызовы к лагерному начальству, походы в санчасть, в зоновский магазинчик — «ларёк», и то только в сопровождении шныря — дневального.

Но это теоретически. На практике же электрозамки бесконечно ломались, нередко не без помощи зеков, локальщики самолично отпирали и запирали замки «тюремного типа» на

калитках, орудуя огромными ключами, которые носили обычно за голенищем кирзового сапога. И в принципе, любой зек, договорившись с локальщиком, мог бродить по территории зоны. Заглянуть в санчасть, навестить кентов из другого отряда, выморозить что-нибудь у друга — повара в столовой, а то и сбегать на вахту, в оперчасть — «стукануть» «куму» или дежурному наряду на своих подневольных товарищей.

Рассказывают, что, когда советские колонии посетили в порядке обмена опытом коллеги-тюремщики из ГДР, они долго дивились на многочисленные заборы внутри зоны, не в силах постигнуть предназначение локальных секторов. Когда им наконец растолковали принцип разобщения заключённых для ужесточения надзора, немцы пожалы плечами в недоумении. И предложили просто повесить таблички с надписью: «Проход запрещён». Вот ведь европейский менталитет! Предупреждающую табличку — в наших-то зонах! Где за ночь зеки умудрялись перепилить или выломать прутья локалок только затем, чтобы сбегать попить чайку к друзьям в соседний отряд...

Локальные сектора устраивались в разных отрядах на свой лад. Между ними даже устраивалось что-то вроде смотров-конкурсов «на лучшее оформление локального участка».

Побеждала в таких конкурсах практически всегда локалка, в которой размещался отряд бесконвойников. Летом она благоухала роскошными розами. Прутья забора не были покрыты ржавчиной, как в других отрядах, а тщательно выкрашены в весёленький зелёный цвет. Здание общежития всегда свежее выбеленное. Территория заасфальтирована, дорожки вымощены кирпичом.

Достигалось это благодаря тому, что зеки-бесконвойники работали в основном за пределами зоны, могли разжиться краской, побелкой, другими стройматериалами, саженцами и семенами цветов. Да и сами заключённые, получившие право передвигаться за пределами зоны без конвоя, были, как на подбор, мужиками в возрасте, солидными, «случайными пассажирами» в местах лишения свободы, попавшими сюда в основном «по бытовухе», не утратившими профессиональных навыков электриков, сантехников, строителей или шофёров.

В отряде Мамбетова соорудили спортплощадку, на которой можно было погонять футбол, крутануться на перекладине. Или толкнуть тяжелейшую, сваренную из автомобильных ресор, штангу.

Были отряды-грязнули, где зачуханные зеки с утра и до вечера безуспешно шоркали мётлами по присыпанной притоптанным шлаком, заплёванной

территории, гоняя из конца в конец неистребимый мусор.

Распорядок дня в зоне строго регламентировался исправительно-трудовым кодексом и планировался примерно так.

Подъём — в шесть утра. В половине седьмого — утренний просчёт на плацу, потом строем — на завтрак. В восемь — выезд на работу. Обед в жилой зоне и на производственных объектах — с часу до двух. В шесть вечера — очередной просчёт с построением, ужин. В десять вечера — отбой.

Днём проверки заключённых в жилзоне проводились в любую погоду на специально заасфальтированном плацу. В середине ночи прапорщики-контролёры считали заключённых в отряде, спящих, по «головам».

Проведение просчётов возлагалось на дежурный наряд — нескольких прапорщиков и офицера — ДПНК.

Наряд нёс службу по двенадцатичасовому графику. Были смены, где «прапора» вечно путали счёт, количество «наличных» зеков не совпадало со списочным, проверка затягивалась на два-три часа.

Летом это не имело особого значения, а вот в зимнюю стужу, под пронизывающим ветром, осуждённые нещадно мёрзли в своих бушлатах «на рыбьем меху», роптали, в полголоса крыли контролёров матом, а те бегали по отрядам, разыскивая недостающего, чаще всего

прикемарившего в каком-нибудь закутке зека. Если такового в конце концов находили, то бундовали пинками и волокли очумевшего от сна и града обрушившихся вдруг ударов в штрафной изолятор.

Самым курьёзным было то, что при двух ночных побегах из жилой зоны на моей памяти, проверки сходились, и безжавших спохватывались лишь много часов спустя.

7

Я уже говорил, что главным в деятельности любой исправительно-трудовой колонии в те годы был производственный план. Но существовала сила, которой было наплевать на производственные, как, впрочем, и на воспитательные проблемы. Этой силой были охранявшие зону конвойные войска.

Основной задачей конвоя, состоящего из солдат, прапорщиков и офицеров внутренних войск, во все времена оставалось не допустить побег с охраняемой территории. А поскольку надёжнее всего охранялась жилая зона, идеальным положением для войск было то, при котором зеки сидели за крепким, опутанным «колючкой», «егозой» и сигнализацией забором. А не мотались по стройкам, цехам, разного рода хоздворам, гаражам и складским помещениям. Бежать с производственных объектов было намного легче, да и бежали. Дважды в течение десяти лет

с территории кирпичного завода осуждённые уходили на тепловозе. Подгадав удобный момент, зеки седлали мощную машину, раскочегаривали и, таранив ворота, под градом свинца автоматчика со сторожевой вышки, оказывались на свободе...

Надзор на удалённых объектах был слабее, охранные сооружения — временные, хлипкие. К тому же, оказавшись вдали от отцов-командиров, солдаты несли службу спустя рукава, а прапорщички-контролёры, промаявшись от безделья час-другой, прикладывались к прихваченной с собой в наряд или изъятой кстати у заключённых бутылке водки.

Зная всё это, командование конвойного батальона строило бесчисленные козни, чтобы совсем не выпускать либо ограничить число осуждённых, выезжающих на объект.

То конвою не нравились поданные для перевозки зеков фургоны, то требовали от колонийского начальства руками всё тех же зеков подлатать, укрепить забор вокруг производства, добавить колючей проволоки, осветительных фонарей по периметру...

Случались и вовсе дикие сцены.

Летнее утро. В решётчатом загоне колонийских ворот — «предзоннике» — стоит полторы сотни заключённых. Зеки покуривают, ёжась под ветерком, прохладным после едва отступивших ночных сумерек. Вывод

задерживается. Командир батальона подполковник Вайнер, придравшись к состоянию охранных сооружений на объекте — цехе металлообработки, расположенном в полукилометре от жилой зоны, запретил выпускать заключённых на работу.

Директор производства, Сидор Петрович Зубов, тоже подполковник, но колонийский, приказывает ДПНК открыть ворота предзонника. Тот подчиняется «своему» руководителю.

Встав во главе колонны зеков, Сидор Петрович командует:

— За мной! На производственный объект — шаго-о-м марш!

Из караульного помещения высыпают солдаты с автоматами, собаками. Ими командует лейтенант — начальник караула. Солдаты выстраиваются в шеренгу, берут оружие наизготовку, преграждая колонне путь.

— Стоять! — орёт начкар. — Стрелять буду!

— Вперёд! Вашу мать! — не отступает директор производства.

Если зеки не попадут на производство — пропадёт целый

рабочий день, сорвётся план декады и месяца, за что и областное тюремное начальство, и районное, партийное, снимут с директора если не голову, то звёздочку с погон.

Зеки, хихикая, переминаются с ноги на ногу. Директор производства для них — начальник. И в цеху вольготнее зоны. Но грудью на автоматы конвойных переть осуждённым тоже не хочется.

— Убери солдат, сопляк! — требует от начкара Сидор Петрович. — Я зеков сам в цех отведу. Ни один не сбежит. А вы, дармоеды, на хрен мне не нужны! — и решительно шагает навстречу шеренге.

Неожиданно один из солдат то ли случайно, то ли по злому умыслу выпускает из рук туго натянутый поводок осатаневшей от злобы и хриплого лая овчарки. Та одним махом бросается на директора, клыками рвёт ему руку...

Чтобы помирить тюремщиков двух ведомств, из области приезжало высокое начальство из УВД и конвойного полка внутренних войск...

(Продолжение следует)